Высказывания Румянцева навели Екатерину, как видно из ее вопросов, на размышления о собственной судьбе. Завладев российским престолом, Екатерина, конечно, была убеждена, что не случай руководил ею, а она была причиной этого «слючая». Кроме того, императрица ставила под сомнение возможность «всякому смертному иметь качества, нужные для разбирательства дел великих людей».

Руководствуясь этим положением, автор «Прошения к господам издателям Собеседника» не советовал сочинителю статьи «Петр Великий» «сочинять истории великих государей, а паче с рассуждениями о их свойствах» (VIII, 30): «Я обще со всеми почитателями сего великого государя сожалею, что бессмертные дела его описываются пером, могущим скорее помрачить, нежели достойным образом восхвалить оные» (VIII, 32). Неприемлемо для критика также убеждение Румянцева, что «на свете сотворено столько странного, смешного, несообразного», так как подобные мнения подрывают веру в «милосердие божие» (VIII, 30—31).

Однако наиболее серьезными из всех нападок являются те, которые касаются общественных взглядов Румянцева.

Последний не изложил их подробно, но, начав свою статью «Петр Великий» рассуждением о значении случаев, писал: «Сие-то и заставило сказать с некоторою справедливостию, что нередко за плугами и секирами погибают, может быть, дарования небесные» (VII, 169).

Следовательно, Румянцеву не были чужды мысли о несправедливости сословных привилегий, препятствующих простым людям раскрыть свои таланты. Эта, на первый взгляд, мельком оброненная мысль об естественном равенстве людей является основой мировоззрения Румянцева и сопутствует ему на всем дальнейшем жизненном пути, побуждая его впоследствии ратовать за освобождение крестьян. Смелым является и дальнейший вопрос в статье «Петр Великий» об участи Кесаря, «естьли б судьба мятежную главу его смиренною квакерскою шляпою прикрыла» (VII, 169). По этому поводу Дашкова с негодованием восклицает: «Как это сочинитель осмелился прикрывать венчанную главу квакорскою шляпою?» (VIII, 28). Негодование Дашковой станет понятным, если принять во внимание, что статья Румянцева «Петр Великий» появилась как раз той самой осенью, когда многолетняя борьба Америки за независимость завершилась победою Соединенных Штатов (3 сентября 1783 г.). Известно также, что большое участие в происходившей войне принимали квакеры, которые, поступившись своими убеждениями, отстаивали свободу с оружием в руках, образовав общину «свободных и воинственных друзей».

Нет сомнения, что не только Дашкова, но и Екатерина почувствовала в Румянцеве идейного противника. Вряд ли могла она простить защитнику идей естественного равенства восхваление независимых квакеров, не снимавших из чувства собственного до-